

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 801 (091) — 500.86/ 87

Л. Я. Костючук

К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

(из опыта «Псковского областного словаря с историческими данными»)

До сих пор продолжаются дискуссии относительно привлечения фольклорных текстов как иллюстраций в словарные статьи областных словарей. Известно отрицательное мнение об этом вопросе у ответственного редактора обобщающего «Словаря русских народных говоров», а также у многих авторов местных диалектных словарей.

В уникальный же «Псковский областной словарь с историческими данными», словарь полного типа (включающего и функционирующие у диалектоносителей общерусские слова) и с местными словами из памятников псковской письменности, по решению Б. А. Ларина вводятся цитаты из псковских фольклорных произведений с диалектными словами. Опубликованные 24 выпуска этого словаря доказывают научную и практическую значимость такого подхода.

Ключевые слова: областной словарь, диалектное слово, фольклорный текст, полный тип словаря, семантическая структура народного слова, этнографические сведения.

Larisa Kostiučuk

REGARDING FOLKLORE TEXTS IN A DIALECT DICTIONARY (based on the Pskov Regional Dictionary with Historical Data)

Discussion regarding the use of folklore texts as illustrations to regional dictionary entries still goes on. The editor-in-chief of the Dictionary of Russian Folk Dialects, as well as many authors of local dialect dictionaries express a negative opinion on this issue.

However, Boris Larin decided to include citations from the Pskov folklore in the Pskov Regional Dictionary with Historical Data, a complete dictionary which, apart from dialect words, comprises both common Russian words used by dialect-speakers and local words from Pskov written monuments as well. The published 24 editions of the dictionary prove the academic and practical significance of such approach.

Key words: regional dictionary, dialect word, folklore text, complete dictionary, semantic structure of a folk word, ethnographic data.

Вторая половина XX века была периодом активного собирания и, самое главное, научной обработки материалов народной речи в виде атласов и толковых областных словарей, содержащих ценные сведения о говорах. Несомненна заслуга собирателей, записывавших речь диалектоносителей, и ученых в возможности обобщить местный материал, а также тех, кто в более ранние десятилетия XX века и в XIX веке практически и теоретически представлял сведения о народном слове прежде всего

в лексикографическом аспекте. Не теряет значимости подвижническая деятельность В. И. Даля, который всю жизнь собирал народные слова и создал уникальный «Толковый словарь живого великорусского языка» с отражением в нём и литературных для XIX века слов, и сохраненных ценнейших сведений о народных словах практически всех российских губерний [5]. Ценность труда В. И. Даля и в сопроводительном исследовательском теоретически-практическом очерке 1852 года «О наречиях русского языка» [3, Т. I, с. XLI–LXXXV], и в научных докладах 1860 года «О русском словаре» [4, Т. I, с. XXX–XL], 1862 года «Напутное слово» [2, Т. I, с. XIII–LXXIX], Лексикограф показывает те достижения в изучении народного языка, которые уже ярко проявились в отечественной науке XIX века.

В период становления сравнительно-исторического метода в XIX веке Российская академия наук усилиями прежде всего ее организатора А. Х. Востокова создала такие уникальные диалектные словари, как «Опыт великорусского областного словаря» 1852 года [15], а затем в 1858 году превосходящее его своей полнотой «Дополнение к "Опыту великорусского областного словаря"» [6], в частности в представлении материалов по псковским говорам.

Общественность России откликнулась на просьбы академиков присылать записи народной речи. Известны многие подвижники собирательского труда, например выпускник псковской гимназии Иван Ильич Карпов, записи которого, хранящиеся в архиве Библиотеки Академии наук, до сих пор пополняют словарные статьи «Псковского областного словаря» [11]. Бескорыстная работа таких знатоков и любителей народного слова не забыта: ни один областной словарь XX–XXI веков не обходится без обращения к публикациям или архивам XIX века. Для «Псковского областного словаря с историческими данными» [16] активно используются рукописные источники, начиная с XIX века, из архивов Географического общества, Московской диалектологической комиссии, И. К. Копаневича, А. И. Белинского, Ю. Ф. Денисенко, А. И. Лебедевой, Л. Ф. Паткуль, И. А. Попова и др. [см. 20: в. 1, с. 19–20; в. 15, с. 55–58].

А поскольку наш областной словарь с историческими данными является единственным в мировой практике региональных словарей, который, во-первых, является словарем полного типа и, во-вторых, включает местные слова из древнерусских и старорусских памятников псковской письменности, то составители используют местные слова из произведений разных жанров. Важна в Инструкции к словарю принципиальная установка Б. А. Ларина относительно фольклорных произведений: «<...> включаем в Псковский областной словарь ещё и данные из фольклора старой и новой записи, содержащего немало архаической лексики, вышедшей (или выходящей) из употребления» [12, с. 270]. Поэтому в пояснительной статье «Состав словаря» к первому выпуску было записано: «Широко используются в Псковском областном словаре выборки из опубликованных и хранящихся в архивах фольклорных материалов и диалектных записей XIX–XX вв., относящихся к Псковской области» [19, в. 1, с. 6].

Отметим, что составители «Псковского областного словаря» серьёзно относятся к иллюстративным материалам. Примеры из местных фольклорных произведений сохраняют названия знакомых и мало знакомых реалий, этнографически связанных с данным местом, помогают подчас понять семантическую структуру той или иной лексемы. Порядок расположения фольклорных цитат определяется так во втором варианте Инструкции: «В конце [иллюстраций семантики единицы. — Л. К.] следуют

цитаты, извлеченные из фольклорных и архивных записей XIX–XX вв.» [8, в. 15, с. 50]. При этом важно указывать жанр фольклорного произведения: «Если после цитаты идёт указание на жанр фольклорного источника, в квадратных скобках с прописной буквы курсивом пишется: [*Песня*], [*Частушка*] и т. п. Точка ставится после квадратных скобок. Начало стихотворной строки обозначается большой буквой» [8, в. 15, с. 50].

Итак, указанное решение при работе над «Псковским областным словарём с историческими данными» было принято на рубеже 50–60-х годов XX века. 24 выпуска этого словаря и продолжающаяся работа доказали научную и практическую значимость такого подхода. Но до сих пор возникают вопросы относительно привлечения в словарные статьи областных словарей фольклорных текстов как иллюстраций к семантике лексико-фразеологических единиц. Известно отрицательное мнение об этом вопросе у ответственного редактора академического «Словаря русских народных говоров» [17], а также и многих авторов региональных словарей.

На недавней Международной конференции в Институте лингвистических исследований РАН (октябрь 2014 г.), посвященной славянской лексикографии и лексикологии, вновь был поднят вопрос о возможности / невозможности вводить фольклорные тексты в диалектный словарь. Участников конференции, особенно зарубежных, в частности из славянских стран, интересовало мнение лексикографов, создающих «Псковский областной словарь» (непосредственно этому словарю были посвящены доклады И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой, Л. Я. Костючук). И даже С. А. Мызников, говоря о проблемах обобщающего «Словаря русских народных говоров», как практик и руководитель словарного отдела ИЛИ РАН, высказал свою позицию по поводу значимости фольклорных источников в сохранении местных диалектных особенностей.

В первоначальном же «Проекте "Словаря русских народных говоров"» 1961 года Ф. П. Филин не писал о необходимости привлекать фольклорные источники [21], тем более что в те годы было принято делать акцент на общерусский, общенародный характер фольклорного текста. Но время и практика словарной работы заставляют менять подход к подбору источников для диалектного словаря и к расположению материала в пределах словарной статьи. Так, Е. В. Колосько, один из старейших составителей «Словаря русских народных говоров», в интересном докладе недавних лет пришла, например, к выводу о важности помещать фразеологические материалы на лексикографируемое народное слово не в конце словарной статьи, а распределять их по соответствующим значениям иллюстрируемого слова. При этом, подчеркивал автор, учитывается путь возникновения образности и фразеологизации выражения. А ведь это один из принципов подачи материала в «Псковском областном словаре», сформулированный Б. А. Лариным в конце 50-х годов XX века [12]. Авторы «Архангельского областного словаря» пришли к необходимости принципа полного диалектного словаря (тоже вслед за реализацией указанного подхода в «Псковском областном словаре»). Это оказывается особенно актуальным на современном этапе изучения и фиксации региональных слов.

Обратимся к опыту «Псковского областного словаря» для понимания необходимости отражения и учета фольклорного материала, записанного в псковской языковой среде, и к его роли в подчеркивании своеобразия лексико-семантической системы говоров.

На слово *áленький* разработана словарная статья ради устойчивого словосочетания *áленький цветóк*, которое в говорах зафиксировано в двух значениях: 1. ‘растение с мелкими красными цветами (возможно Иван-чай?)’, функционирует в бытовой сфере речи; 2. *перен.* ‘милый, любимый’, отмечено в фольклорном малом жанре — частушке — с иронией («*Ты цветóк áленький, не напивáйся пъяненький*» в Островском р-не) еще в первой половине XX века И. К. Копаневичем [16, в. 1, с. 58]. Указанное прилагательное имеет ласкательный коннотативный оттенок. Без такой коннотации прилагательное *áлый* ‘ярко-красный’ встречается как употребление (отмечается знаком: «—») в следующем контексте из повседневной жизни: «*А́лый кирпи́чь, крáсный; на пот, а́лый на плиту́*» в Лядском р-не. Но как употребление в функции ‘Как постоянный эпитет в фольклоре’ прилагательное отмечается в таких словосочетаниях: «*а́лыи губъньки*», «*а́лые цветóчки*» (последнее как синоним к выражению «*красны девушки*») [16, в. 1, с. 61]. В говорах удалось отметить и традиционные, фольклорные значения, и свободные при назывании соответствующего цвета.

В словарной статье на глагол *ба́бить* в терминологическом значении 1 ‘принимать роды’ наряду с обычным использованием в речи приведена и цитата из работы В. И. Чернышёва «Сказки и легенды пушкинских мест» [18], представляющей собрание фольклорной прозы: «*Ба́бка-волшебница, как она [сестра] родила трёх сыновей, явилась ба́бить*» [16, в. 1, с. 82]. Цитата подтверждает широкое использование слова в традиционных действиях псковского населения. Полный характер словаря позволил отметить в этом значении и любопытное употребление (‘— О корове’): «*Карóва тьялёнка ба́бить, ли́жыть яуó, пакá чистинький ста́нить*». Народ обнаруживает не частое использование этого слова в указанной ситуации рождения «младенца»: возможность аналогии между жизнью людей и животных, в частности домашних, без которых немыслима жизнь сельского жителя. Наряду с отдельным глаголом в таком же значении известно и устойчивое терминологическое сочетание «*ба́бить рябёнка*» в контексте, раскрывающем ряд действий при указанной процедуре: «*Рябёнка, гаваря́т, ба́била, завя́зывает пупóк рябёнку, мо́ет, ба́бить рябёнка ня ка́ждый смóжыт*» [16, в. 1, с. 82].

Словарь сообщает названия той женщины, которая специализировалась на приёме родов и на обихоживании младенца и роженицы. Таков первый омоним *ба́бка*¹; расширенное название словосочетанием с приложением *ба́бка-пуповя́зница* (*пуповя́зница, пупорéзница*), атрибутивное словосочетание *ба́бка приёмная* [15, в. 1, с. 82]. Отмечаются эти синонимы и в фольклорных Поминаниях у И. К. Копаневича. В гнезде с корнем *баб-* с семей ‘приём родов’ есть и общерусская лексема *ба́бушка* в значении 2 ‘повитуха’, и атрибутивное словосочетание *ба́бушка пупорéзная* [16, в. 1, с. 88].

Значимость фольклорных текстов ярко проявляется в сохранении местных фонетических особенностей. Известно, что в настоящее время мало в каких говорах удаётся встретить «цоканье» или «чоканье». При знакомстве с носителями псковских говоров у людей невольно возникают в памяти народные дразнилки: «*Апаца́не — те жэ англица́не, то́лька наре́цья ня та*» или «*Ат Апо́цки три вярсто́цки...*».

Не случайно А. И. Белинский, о котором как выдающемся учёном-краеведе нам приходилось писать [9, с. 29–34; 10, с. 148–153], отмечая ценность его записей народной псковской речи 20–30-х годов XX века, роль научного исследования и систематизации им особенностей опочецких говоров, каждое своё наблюдение подтверждал

продуманными фольклорными текстами, преимущественно любимыми им частушками. Частушки — живые, яркие и хорошо запоминающиеся произведения народной поэзии, благодаря прежде всего рифме и оптимистическому шутивому настрою. Повторяясь неоднократно и своевременно в соответствующих ситуациях, они сохраняют и подчёркивают оценку родного языка их создателей. Так, А. И. Белинский как исследователь прежде всего отметил следующее относительно смещения звуков [ц] и [ч]: «Бросается в глаза неумение пользоваться звуками “ц” и “ч”». А следом подтверждает это задорной частушкой:

*«Харашá нáша дярэвня —
Настоя́щее сяло́,
Няхаро́шая привы́чка —
Гавари́ть: цаво́, цаво́» [1].*

Сопровождается частушка замечанием собирателя народной речи: «Крестьяне чувствуют, что они говорят неправильно» [1]. Но содержание частушки свидетельствует о добром и шутивном восприятии своей речи, как и в частушке с передачей «чоканья»:

*«Сястри́ча мая́,
Ты мяня́ ня бо́йся,
Я тябя́ ня трóну,
Ты ни бяспако́йся» [1].*

Известные народные сказки в исполнении псковских рассказчиков сохраняют местное произношение, что и отмечал В. И. Чернышёв в псковской сказке: «Вот потом [коза] **приходя** и под **дверям кричит** : “Детыньки, отоприте **маленьки**, отоприте **маленьки**, отоприте”» [16, в. 24, с. 182].

В тексты традиционных народных сказок попадают и «новые» для говоров слова, используемые для обсуждения ситуаций, связанных с работой, официальными отношениями соответствующего периода жизни при общении с собирателем. Содержание сказки позволяет усмотреть аналогию сказочных и современных для региона событий. Например, В. И. Чернышёвым было отмечено в сказке слово **отстранить** в значении 1 ‘освободить от должности, уволить со службы’: «Володя вынял записку, подаёт буфетчику: “Я **отстранён**”» [16, в. 24, с. 258]. Такой пример показывает динамические процессы в лексико-семантическом составе народных говоров и существование общерусских слов и собственно диалектных. Экспрессивное слово **копырнуть**, оказавшееся синонимичным указанному **отстранить**, было записано в псковских говорах в XIX веке И. И. Карповым с толкованием ‘отстранить от работы’ [16, в. 24, с. 223]. В лексико-семантической системе псковских говоров такое значение трактуется как переносное от значения ‘сильно толкнуть; поддать (ногой)’.

У самого И. И. Карпова есть параллель несовершенного вида **копырять** со значением ‘бить пинками’ к глаголу совершенного вила **копырнуть**. Эти глаголы близки по основной семе ‘толкать ногами’. Но они не составляют видовую пару, так как различаются многоактностью (**копырять**) и одноактностью (**копырнуть**).

Однако выбор слов **отстранить** и **копырнуть** для передачи увольнения как неприятного для человека события при учёте развития их лексических значений свидетельствует об активных этапах переосмысления указанных глаголов.

Сборники и отдельные записи пословиц, зафиксированных на Псковской земле в прошлом [22; 23] и настоящем [14], позволяют обнаружить местные варианты пла-

на выражения общенародных фольклорных произведений малых форм, как и собрания загадок, собранных Евлентьевым и опубликованных в «Псковских губернских ведомостях» 60-х годов XIX века [7]. Приведём примеры.

В пословичном выражении начала XVIII века *Конь копытом, а жаба клешиною* в исторической части словарной статьи на слово *копыто* своеобразно употребляется слово *клешня* для обозначения лапки жабы в местном говоре [16, в. 15, с. 224]. Именно текст фольклорного произведения малого жанра (пословицы) донёс до нас своеобразное развитие семантики слова в народном употреблении.

Слова повседневного использования, даже общерусские, в фольклорных текстах участвуют в создании художественного образа. На фоне исходных общеизвестных значений обнаруживаются начальные сдвиги в значении слова, что передаётся, как указывалось, знаком употребления (горизонтальной чертой).

Так, слово *кóрка* в значении ‘твёрдый наружный слой хлеба’ приобретает расширенную семантику как еще не устоявшееся значение, а только употребление (‘— О чёрством куске хлеба’) в контекстах песенных жанров: «У ба́тьки жь́ла, *кóрки* э́ла, на рабо́те пёсны пёла, за́муж вь́шла, чай пи́ла, слёзы го́рькие ли́ла» [*Песня*]; «Пашо́л пляса́ть, до́ма не́чаво куса́ть, Сухари́ да *кóрки*, на нага́х апо́рки» [*Частушка*] [16, в.15, с. 244]. Учитывая образный контекст с обобщенным значением в говорах можно обнаружить устойчивые сочетания слов с тенденцией к переосмыслению при развитии дополнительных сем. Это передаётся как идиоматика народной речи: от наименее спаянных в смысловом отношении словосочетаний к возможной фразеологизации [см. 12]. В псковских говорах отмечены такие устойчивые выражения: со знаком «угла» нецелостные по смыслу (*кóрки ест* в значении ‘бедно жить’); более целостное, фразеологизированное выражение со знаком «треугольника» с признаками образности, объясняющей появление значения ‘стать, быть, независимым, самостоятельным в жизни’ (*на сво́их кóрках*): «Топе́рь на сво́их кóркъх» [16, в. 15, с. 244].

Указание в словарной статье синонимического ряда однокоренных (с корнем *кор-*) образований при участии разных суффиксов в диалектных словах — это свидетельство своеобразной «жизни» и общерусского слова, и местных слов в лексико-семантической системе говоров.

Показ в подробной словарной статье богатого подтверждающего материала из народной речи наглядно представляет и помогает понять семантические процессы, происходящие на лексическом уровне. Разные источники, содержащие псковские лексемы, дают возможность обнаружить сложность и своеобразие лексико-фразеологического фонда при лексикографической обработке материала. Показательны в этом отношении местные пословицы, особенно записанные и отобранные теми собирателями, которые хорошо знают псковские говоры, будучи носителями местной речи. Таким диалектоносителем и учёным-диалектологом был уроженец деревни Щиленка Дновского района С. Е. Мельников, оставивший рукописный сборник псковских пословиц с ценными комментариями к лексическим компонентам этого фольклорного жанра. Записанная им пословица *Под лежачий кляч вода не течёт* из Опочецкого района иллюстрирует в выпуске словаря слово *кляч* со значением ‘отпиленный или отрубленный кусок дерева, бревна’, что является оттенком к значению I ‘толстое бревно’ [16, в. 14, с. 250]. В местном говоре в известной общерусской пословице с образом «лежачий камень» появился более знакомый в сельском

обиходе образ «кусочек бревна». Тем самым доказывается значимость фольклорного выражения, активно живущего в народной речи псковичей, но обогащённого зоркими наблюдениями людей в близкой и понятной им обстановке. Всё это помогает доносить до исследователей-лексикографов уникальные народные слова, которые не были подчас известны собирателям ранее. И чем активнее будут привлекаться материалы рукописного собрания псковских пословиц, например С. Е. Мельникова, тем полнее будет представлено богатство псковской лексики.

К сожалению, некоторые слова пока не вошли в изданные выпуски «Псковского областного словаря», так как составителям словаря не был известен рукописный труд талантливого псковича. Поступил же сборник пословиц в наше распоряжение после безвременной кончины Сергея Екимовича. Рассмотрим некоторые примеры из этого собрания. Так, слово *гу́ли* ‘праздность, постоянная гулянка’ (в определении С. Е. Мельникова) в Гдовской пословице *Гули, гули, да смотри, чтобы в лапти не обули* известно было и В. И. Далью, который отмечал, что употребляется оно вместо таких слов, как *гулянье, гульба, погулка, шатанье* [5, т. I, с. 406]. Но у В. И. Даля это значение, видимо, связано с созвучным названием *гули* в значении ‘голуби’, которое лексикограф объясняет «от призывного клика» к голубям «*гуль-гуль*», этимологизируя его не очень уверенно от глагола *гулять* со знаком вопроса. В подтверждение этого В. И. Даль приводит варианты пословицы, аналогичные отмеченной в псковских говорах: *Гули, гули, ан и в лапти обули; Сегодня гули, да завтра гули: держись, чтобы в лапти не обули!* Приводит лексикограф такое замечание: «о страстных голубятниках, проживающих время и состояние на голубей» [5, т. I, с. 406]. Однако, видимо, такое объяснение напоминает «народную этимологию». Созвучие некоторых слов и восприятие пословицы в современных говорах позволяет усмотреть значение с семей ‘гулять’, что отметил В. И. Даль уже в XIX веке.

Даже некоторые сведения из сборника пословиц показывают, что введение рукописного источника пословиц в записи С. Е. Мельникова для использования при работе над словарными статьями позволит ввести в корпус словаря многие народные лексемы.

Например, слово *полёшня* ‘охота’ как синоним к общерусскому слову *охота* в пословице *Как на полёшню бечь, тогда и собак кормить* из Новоржевского района.

Хату́ль ‘заплечный мешок’ — слово, отмеченное в родной деревне С. Е. Мельникова (Щиленка, Дновского района): *Хватъ хату́ль, ды видáл поту́ль*. Стоит учесть замечание диалектолога-собиравателя, односельчанина тех, кто употребляет указанную пословицу: «Интересно, что в деревне Щиленка Карельская [так в прошлом называлась эта деревня. — Л. К.] не знают, что такое *хату́ль*, а поговорку употребляют. Так говорят о том, кто ушёл, увиливая от работы». При этом С. Е. Мельников от пословиц отличает то, что он назвал «поговоркой». Вероятно, точнее было бы говорить о «приговорке» по поводу какого-то обычного, типичного, повторяющегося явления.

У В. И. Даля находим слово *хату́ль* в предположительном произношении (обозначается вопросительным знаком) от слова *катуля* в значении ‘котомка или мешок’ [5, т. IV, с. 543]. Фиксирует это слова лексикограф в смоленских говорах. Занесенное, видимо, из других говоров, слово в созвучной псковской фразе (*хату́ль — поту́ль*) «пригодилось» в одном из псковских говоров для передачи оценки негативных поступков.

В двух районах (Великолукском и Холмском) отмечена поговорка, включающая народный словообразовательный дериват *поріна* от *порá* (в значении ‘определенное для какого-нибудь действия время’) в одной поговорке с двумя вариантами одного и того же смысла: *Упустиши поріну, не ходят в малину — Спусти поріну, не ходят по малину*.

Фиксация подобных поговорок значима для показа, как познание общерусских языковых ценностей осваивается в диалектной речи. И поэтому обращение к общерусскому лексико-фразеологическому богатству, включая и фольклорные материалы с учётом местных особенностей, необходимо для лучшего и более полного исследования лексико-семантической системы в областном словаре.

Поскольку «Псковский областной словарь с историческими данными» содержит материал из древних псковских памятников, то это способствует пониманию роли диахронии в формировании лексического и грамматического фонда местных говоров и в закреплении идиоматических выражений, в частности поговорок. Через анализ предложений и исследование их плана выражения приоткрывается перспектива (преемственность и изменчивость) в отражении окружающего мира, в формировании народной ментальности и нравственных норм у носителей русского языка. Привлечение записей псковской народной речи начала XVII века иностранцами (например, немецким купцом Т. Фенне, составившим в 1607 году русско-немецкий разговорник в Пскове) позволило донести до исследователей псковских говоров XX–XXI веков специфику плана выражения и плана содержания у псковских слов в далёком прошлом. (Напомним, что Б. А. Ларин был мужественным первопроходцем в обосновании правомочности привлечения записей русской речи иностранцами для изучения русского языка [13].)

Приведём несколько известных и до сих пор поговорок в псковском звучании XVII века: *Цыплята (!) хоче курица (!) учить* [23, с. 472]; *Рука руку моет, ино будут обѣ чисты; Таково жё друг другу (!) любит, а Бог обѣихъ* [23, с. 479].

В следующем случае удачно введена как объяснение во фразе поговорка об отношениях между людьми, что наблюдал немецкий купец у псковичей во время торговых дел: *«Лестлив, да сердце худо, оманыват доброго друга, — то поговорка правда есть: в тихой водѣ вир вилико<й>»* [23, с. 479]. В составе поговорки звучит псковский регионализм *вир* вместо общерусского слова *омут*.

Ценны поговорки с псковскими словами, отмеченными Т. Фенне: *«Дивья чужёва уха отрѣзати, что полсти, — не болит»* [23, с. 470]: *дивья* — это «безлично-предикативное слово», то есть категория состояния, со значением ‘хорошо, удобно’ [16, в. 9, с. 67]; *полсть* — ‘кусочек материала, например домотканого холста’ (см. в Картотеке «Псковского областного словаря», а также в словаре В. И. Даля обнаруживается ряд однокоренных слов с подобной семантикой [4, т. III, с. 265]).

Можно продолжать рассуждения о пользе и научной значимости того типа областного словаря, к которому относится до сих пор единственный в своей уникальности «Псковский областной словарь с историческими данными» (во-первых, полного типа; во-вторых, с совмещением синхронных и диахронных параллелей). Такой подход способствует многоаспектному представлению народного слова в лексикографическом труде.

Бурные научные дискуссии середины XX века и последующих десятилетий отбуживали давно. Достижения псковской диалектной лексикографии в соответствии

с новаторскими идеями Б. А. Ларина давно признаны научной общественностью. В том числе, как говорилось в начале статьи, мнение коллектива словарников из Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б. А. Ларина при Санкт-Петербургском университете и с кафедры русского языка Псковского государственного университета (в прошлом пединститута) относительно привлечения фольклорного материала как иллюстративного в областные словари было поддержано российскими и иностранными учеными на Международной конференции по славянской лексикографии и лексикологии (октябрь 2014 года, ИЛИ РАН, г. С.-Петербург).

Воистину справедливы и мудры псковские «пословки» (как назвал их в 1607 году Т. Фенне) в фиксации иностранца, удивлявшегося псковской речи: *Без притчи человѣкъ <у> вѣку не <и>зжитъ* [23, с. 471]; *Жить не тужить, добро добыть да лихо сбыть* [23, с. 472]; *Луче молчать, как худа говорить, а худой гов<о>ркъ помочи нѣтъ, только люди лают* [23, с. 472].

Литература

1. Белинский А. И. Характерные особенности говора крестьян Опочецкого уезда (района) Псковской губернии (области) (1920-1930 гг.) / Рукопись // Архив Опочецкого музея.
2. Даль В. И. Напутное слово // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956. С. XIII–LXXIX.
3. Даль В. И. О наречиях русского языка // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956. С. XLI–LXXXV.
4. Даль В. И. О русском словаре // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956. С. XXX–XL.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I–IV. М., 1956.
6. Дополнение к «Опыту великорусского областного словаря». СПб., 1858.
7. Загадки русского народа, собранные Евлентьевым // Псковские губернские ведомости. 1864 г. № 35–39, 44, 45; 1865 г. № 2–5.
8. Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб., 2004. С. 5–51.
9. Костючук Л. Я. Об источниках сведений о псковской народной речи (случайности и закономерности в сохранении Слова) // Актуальные вопросы современной гуманитарной парадигмы: Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием 15 марта 2012 г. Псков, 2012. С. 29–34.
10. Костючук Л. Я. Талантливые записи опочецкой народной речи А. И. Белинским и «Псковский областной словарь» (к сохранению памяти о людях) // «Памятью жива Россия»: Материалы историко-краеведческих чтений 2013 года. Опочка, 2014. С. 148–153.
11. Краткий сборник простонародных слов преимущественно Новорж.[евского], Опоч.[ецкого], Остров.[ского], Порхов.[ского] и Пск.[овского] уездов Псковской и Осташковского Тверской губерний / Собрал окончивший курс Псковской губернской гимназии Ив. Ил. Карпов. СПб., 1855. Тетр. I — 159 л., Тетр. II — 289 л., Тетр. III — 203 л. // Рукописный отдел БАН, шифр 17.10.16.
12. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I: Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 252–271.
13. Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
14. Мельников С. Е. Псковские пословицы / Рукопись // Архив Псковского областного словаря.
15. Опыт великорусского областного словаря. СПб., 1852.

16. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24... Л. / СПб., 1967–2013...
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46... М.; Л. / СПб., 1965–2013...
18. Сказки и легенды пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышёва. М.; Л., 1950.
19. Состав словаря // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 6–16.
20. Список сокращений источников XIX–XX вв., использованных в современной части ПОС // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 19–20; Вып. 15. СПб., 2004. С. 55–58.
21. Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.
22. Шаповалова Г. Г. Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. IV. М.; Л., 1959. С. 305–330.
23. T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.